

Памяти Бебеля.

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

(Письмо въ редакцію „Современнаго Мира“).

Вы хотите имѣть отъ меня статью о Бебелѣ. У меня теперь очень мало свободнаго времени, но я все-таки не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить нѣсколько страницъ памяти чело- вѣка, котораго глубоко уважали даже его политическіе враги и на котораго я привыкъ смотрѣть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ на своего учителя.

Едва ли есть надобность повторять здѣсь, что Бебель родился 22-го февраля 1840 г.; что, сынъ унтеръ-офицера, онъ явился на божіи свѣтъ пролетаріемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; что онъ рано осиротѣлъ и сдѣлался токаремъ по ремеслу; что уже два- дцатилѣтнимъ юношей онъ примкнулъ къ рабочему движенію, но сначала былъ противникомъ социализма и лишь постепенно проникся его ученіемъ, которое защищалъ потомъ съ рѣдкой энергіей и вы- дающимся талантомъ вплоть до самой своей смерти. Все это и все этому подобное Ваши читатели, вѣроятно, знали раньше, а если— нѣтъ, то, конечно, узнали изъ повседневной печати тотчасъ же послѣ смерти гениальнаго токаря. Позвольте же мнѣ, избѣгая не- нужныхъ повтореній, остановиться на тѣхъ сторонахъ его славной дѣятельности, о которыхъ очень мало распространялась повседневная печать не только въ Россіи, но и заграницей.

Кто не читалъ книги Бебеля «Женщина и социализмъ»? Или, по крайней мѣрѣ, кто не слышалъ о ней? Она выдержала въ Гер- маніи до шестидесяти изданій и была переведена едва ли не на всѣ языки цивилизованнаго міра. Воспоминанія Бебеля (Aus meinem Leben), къ сожалѣнію, оставшіяся неоконченными, разошлись въ огромномъ числѣ экземпляровъ и читаются съ захватывающимъ интересомъ. Словомъ, этотъ богато-одаренный природой челоувѣкъ былъ очень извѣстенъ какъ писатель. Но еще болѣе извѣстенъ былъ онъ какъ политическій дѣятель. И не подлежитъ ни малѣй-

"Домъ Плеханова"

шуму сомнѣнію, что его политическая дѣятельность гораздо болѣе замѣчательна, нежели дѣятельность литературная. Онъ былъ политическимъ борцомъ прежде всего. Замѣчу мимоходомъ, что это бросается въ глаза, между прочимъ, и при чтеніи той части его воспоминаній, которая относится къ годамъ его юности. Она ясно показываетъ, что склонность къ политическимъ выступленіямъ обнаружилась у него раньше и сказывалась сильнѣе, чѣмъ склонность къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Характерно, что уже первое народное собраніе, на которомъ присутствовалъ онъ — собраніе 19-го февраля 1861 г. въ Лейпцигѣ, — пробудило въ немъ инстинктъ политическаго оратора. Впрочемъ, не только — политическаго оратора, но также и пролетарія. На этомъ собраніи выступили нѣкоторые рабочіе, оспаривавшіе мнѣніе докладчика, профессора Гирцеля. «Хотя я и не былъ согласенъ съ этими ораторами, — говоритъ Бебель, — но на меня производило сильное впечатлѣніе то, что рабочіе могли съ такой силой выступать противъ ученыхъ людей, и мнѣ самому захотѣлось умѣть говорить такъ»¹⁾.

Но если вѣрно то, что въ Бебелѣ политическій дѣятель всегда преобладалъ надъ писателемъ, то не менѣе вѣрно и то, что его политическая дѣятельность никогда не спускалась до уровня близорукаго эмпиризма. Этотъ сынъ народа, обязанный своимъ образованіемъ гораздо больше тюрьмѣ, нежели школѣ, прекрасно зналъ цѣну теоріи. И ему посчастливилось найти, черезъ посредство Либкнехта, такихъ руководителей въ теоретической области, которые дали ему возможность освѣтить свою практическую дѣятельность яркимъ свѣтомъ самой передовой идеи нашего времени. Такими руководителями послужили для него Марксъ и Энгельсъ.

Марксъ и Энгельсъ были, какъ извѣстно, матеріалистами, умѣвшими взглянуть съ матеріалистической точки зрѣнія не только на природу, но и на исторію. Этимъ они отличались, на примѣръ, отъ французскихъ матеріалистовъ XVIII в. и даже отъ Фейербаха. Фейербахъ, въ своемъ возстаніи противъ Гегеля провозгласившій, что не сознание опредѣляетъ собою бытіе, какъ это выходитъ согласно идеализму, а, наоборотъ, бытіе опредѣляетъ собою сознание, — Фейербахъ по своему взгляду на движущія силы общественнаго развитія оставался очень близкимъ къ историческому идеализму французскихъ просвѣтителей вообще и французскихъ матеріалистовъ указанной эпохи въ частности. У него, какъ и у нихъ, въ концѣ концовъ оказывалось, что міромъ правитъ «мнѣніе». Поэтому его матеріализмъ былъ — подобно французскому матеріализму — непослѣдовательнымъ: на матеріа-

листической основѣ у него воздвигалась идеалистическая надстройка. Онъ самъ выражалъ это словами: «Rückwärts stimme ich den Materialisten bei, aber nicht vorwärts»¹⁾.

Эта непослѣдовательность, вносившая двойственность въ міросозерцаніе матеріалистовъ прежняго времени, устранена была только въ матеріализмѣ Маркса и Энгельса. Главная — и поистинѣ колоссальная — заслуга этого матеріализма заключается въ ясномъ обнаруженіи того, что сознание опредѣляется бытіемъ не только въ природѣ, но также и въ исторіи. Только съ тѣхъ поръ, когда обнаружена была эта чрезвычайно важная истина, матеріализмъ сдѣлался стройнымъ и послѣдовательнымъ міросозерцаніемъ. Это стройное и послѣдовательное міросозерцаніе не встрѣтило сочувствія со стороны идеологовъ буржуазіи. Но идеологи пролетаріата, можно сказать, инстинктивно тяготѣли къ нему, поскольку не поддавались буржуазному влиянію. Бебель принадлежалъ къ числу тѣхъ идеологовъ пролетаріата, которые не боялись мыслить послѣдовательно. Поэтому, сбросивъ съ себя влияние буржуазіи въ соціально-политической области, т. е., сдѣлавшись соціалистомъ, Бебель, повидимому, уже рано додумался также и до матеріализма въ его новѣйшемъ видѣ, до матеріализма Маркса и Энгельса. Во всякомъ случаѣ, когда, въ концѣ прошлаго вѣка, начались споры послѣдователей этихъ мыслителей съ такъ называемыми ревизионистами и когда я выступилъ въ нѣмецкой печати на защиту матеріализма противъ Конрада Шмидта, защищавшаго, подъ предлогомъ «критической философіи», плохо переваренный имъ идеализмъ, — Бебель печатно заявилъ, что хотя ему мало приходилось заниматься вопросами этого рода, но онъ думаетъ, что истина на моей сторонѣ. Нечего и говорить, какъ откровенно мнѣ было это сочувствіе Бебеля въ такое время, когда начали колебаться многіе изъ самыхъ надежныхъ, какъ намъ казалось, единомышленниковъ нашихъ...

Но Марксъ и Энгельсъ не довольствовались работой теоретической мысли, какъ ни плодотворна была эта работа въ ихъ лицѣ. Весьма замѣчательно, что уже въ такъ называемыхъ тезисахъ о Фейербахѣ, написанныхъ весной 1845 г., Марксъ выставляетъ слѣдующее положеніе: «Философы только объясняли міръ такъ или иначе, но дѣло въ томъ, чтобы измѣнить его». Понятно, что измѣнить міръ невозможно иначе, какъ путемъ практической дѣятельности. И мы знаемъ, что Марксъ и Энгельсъ посвящали этой дѣятельности много времени и силъ. Еще менѣе могъ удо-

¹⁾ Aus meinem Leben. Zweite durchgesehene Auflage, Stuttgart 1911, Erster Theil, S. 52.

¹⁾ Т. е. онъ былъ согласенъ съ матеріалистами только до извѣстной точки, только въ томъ, что касалось природы, а начиная отъ этой точки, тамъ, гдѣ рѣчь заходила объ общественномъ развитіи, Фейербахъ покидалъ матеріалистическую точку зрѣнія.

вольствоваться теоріей Бебель, бывшій, какъ я уже сказалъ, практическимъ дѣятелемъ прежде всего. Едва ли погрѣшу преувеличеніемъ, сказавъ, что теорія имѣла для него цѣну, главнымъ образомъ, потому, что помогала ему разбираться въ практическихъ вопросахъ. Онъ пользовался теоріей какъ факеломъ, освѣщавшимъ его политическій путь. Но онъ никогда не выпускалъ изъ своихъ рукъ этого факела. Я не знаю, былъ ли до сихъ поръ въ международномъ социализмѣ другой практической дѣятель, умѣвшій такъ хорошо, какъ Бебель, примѣнить къ политикѣ то основное положеніе матеріализма, что не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознание.

II.

Пока политическій дѣятель убѣжденъ, что міромъ править «мнѣніе», онъ видитъ въ своихъ руководящихъ принципахъ самостоятельную историческую силу, способную преодолѣть всѣ, даже самыя неблагоприятныя, условія мѣста и времени. Французскіе просвѣтители 18-го вѣка твердили, играя словами: «la raison finit toujours par avoir raison» (разумъ всегда оказывается правымъ)¹⁾. Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго матеріализма самъ разумъ представляется продуктомъ историческаго развитія. Поэтому отдѣльные выводы разума—т. е., между прочимъ, и всѣ политическіе принципы—всегда имѣютъ не абсолютное, а только относительное значеніе, опредѣленное условіями мѣста и времени. Политическій дѣятель, правильно усвоившій себѣ историческій матеріализмъ, никогда не будетъ склонять къ утопизму. Этимъ объясняется то, что политическая дѣятельность Бебеля, твердо державшагося основныхъ положеній Марксова матеріализма, никогда не была хотя бы въ самомалѣйшей степени утопической. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ самымъ «реальнымъ» изо всѣхъ «реальныхъ» политиковъ. Конечно,—только въ извѣстномъ смыслѣ. Обыкновенно реальные политики отличаются страшною близорукостью. Они понимаютъ, что значеніе всякаго даннаго политическаго принципа опредѣляется условіями мѣста и времени. Но они видятъ только условія нынѣшняго дня, совсѣмъ не принимая въ соображеніе условій будущаго. Оттого, практичные сегодня, они оказываются крайне непрактичными завтра или послѣзавтра. Рѣшительные враги утопизма, они сами являются утопистами; но только

¹⁾ Игра словъ здѣсь въ томъ, что понятіе: быть правымъ передается словами: avoir raison, т. е. имѣть разумъ; такимъ образомъ выходило, что разумъ всегда кончаетъ тѣмъ, что имѣетъ разумъ. Эту игру словъ охотно повторяли наши субъективные социологи.

утопистами навыворотъ. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, можно указать на такъ называемыхъ ревизионистовъ. Они отъ всего сердца стремятся стать реальными политиками; но они близоруки. Ихъ социально-политическій взоръ никогда не простирается за предѣлы текущаго дня. Поэтому чуть не каждый новый день до очевидности обнаруживаетъ изумительную непрактичность ихъ мнимой практичности. Вспомните споръ объ участіи социалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ. Ревизионисты съ сожалѣніемъ смотрѣли на марксистовъ, находившихъ вступленіе Милльрана въ министерство Вальдэка-Руссо по меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ. Въ такомъ ихъ отношеніи къ социалистическому министерализму они видѣли совершенно непростительное доктринерство. И нельзя не признать, что участіе социалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ должно было представляться имъ очень полезнымъ дѣломъ, пока они ограничивали свои соображенія практическими вопросами данной минуты. Въ той странѣ, гдѣ совершался этотъ «социалистическій опытъ», реакція высоко подняла голову во время дѣла Дрейфуса. Дать ей отпоръ было, въ самомъ дѣлѣ, полезно. Оставалось только опредѣлить тѣ условія, при которыхъ отпоръ явился бы наиболѣе сильнымъ. На первый взглядъ казалось, что наиболѣе сильнымъ онъ будетъ въ томъ случаѣ, когда пролетаріатъ, для борьбы съ реакціей, тѣснѣйшимъ образомъ соединитъ свои усилія съ усиліями республиканской буржуазіи. Участіе социалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ разсматривалось ревизионистами именно какъ самый производительный способъ соединенія политическихъ усилій этихъ двухъ классовъ. Вотъ почему ревизионисты энергично отстаивали такое участіе. Мы видѣли это на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1900 г. Но то, что не могло не казаться полезнымъ и даже необходимымъ, пока соображенія социалистовъ ограничивались злобой текущаго дня, представлялось въ совершенно другомъ свѣтѣ съ точки зрѣнія будущности рабочаго движенія. Такъ, не трудно было предвидѣть, что коалиціонному министерству придется стать въ то или другое положеніе по отношенію къ экономической классовой борьбѣ, происходящей въ современномъ обществѣ независимо отъ тѣхъ или иныхъ парламентскихъ комбинацій. Не менѣе очевидно было, что буржуазное министерство станетъ поддерживать въ этой борьбѣ именно буржуазію, хотя бы въ его составъ и входило извѣстное социалистическое меньшинство. Ко времени парижскаго съѣзда 1900 г. буржуазное министерство Вальдэка-Руссо, включившее въ свой составъ социалиста Милльрана, уже два раза стрѣляло въ рабочихъ: сначала въ одной изъ французскихъ колоній (на островѣ Мартиникѣ), потомъ—въ Шалонѣ-на-Сонѣ. Какое же впечатлѣніе могли произвести, какое впечатлѣніе производили эти разстрѣлы на французскихъ рабочихъ? Рабочіе не удив-

лялись тому, что буржуазные политическіе дѣятели въ родѣ Вальдэка-Руссо принимали сторону буржуазіи. Это было въ порядкѣ вещей. Но ихъ не могло не возмущать то обстоятельство, что въ министерствѣ, стоявшемъ на сторонѣ предпринимателей, продолжалъ преспокойно засѣдать социалистъ. Это должно было сдѣлать ихъ недовѣрчивыми по отношенію къ социалистической партіи. Къ тому же недовѣріе поддерживалось и укрѣплялось пропагандой анархистовъ, никогда не упускавшихъ случая повредить социалистамъ. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что именно со времени пресловутаго «социалистическаго опыта» Милльрана во Франціи значительно усилился анархическій синдикализмъ, свившій себѣ довольно прочное гнѣздо во «Всеобщей Конфедераціи Труда». Словомъ, съ точки зрѣнія будущности рабочаго движенія невыгоды социалистическаго министеріализма должны были представляться несравненно болѣе серьезными, нежели его временныя выгоды, ослѣпившія ревизионистовъ. Вотъ почему марксисты, не закрывавшіе глазъ на злобу грядущаго времени, отнеслись къ Милльрану недовѣрчиво, а нѣкоторые изъ нихъ и совершенно отрицательно. Бебель былъ боленъ во время парижскаго международнаго съѣзда и потому не принималъ въ немъ участія. Мнѣ думается, что если бы онъ былъ въ состояніи пріѣхать въ Парижъ, то онъ, вѣроятно, выступилъ бы противъ проекта резолюціи, оставлявшаго слишкомъ много лазеекъ для оппортунистическаго политиканства и, къ сожалѣнію, принятаго большинствомъ голосовъ¹⁾. Но это только предположеніе, а вотъ фактъ. На международномъ съѣздѣ въ Амстердамѣ (1904 г.) Бебель выступилъ главнымъ противникомъ Жорэса, упорно и талантливо защищавшаго близорукую политику оппортунизма. Можно съ полной увѣренностью сказать, что если въ Амстердамѣ международный марксизмъ одержалъ побѣду надъ международнымъ ревизионизмомъ, то этимъ онъ въ очень большой степени обязанъ былъ Бебелю.

Въ томъ-то и состоитъ главная отличительная черта Бебеля, какъ практическаго дѣятеля, что его политика никогда не была оппортунистической. Прежде, чѣмъ выступить противникомъ Жорэса въ Амстердамѣ, онъ не разъ наносилъ тяжелые удары социалистическому оппортунизму въ Германіи: напому его неоднократныя стычки съ Фольмаромъ и его рѣшительное выступленіе противъ Бернштейна на партійномъ съѣздѣ 1899 г. въ Ганноверѣ.

¹⁾ Противъ него голосовали Гедъ, Вальянъ и нѣкоторые другіе. Въ числѣ этихъ другихъ были—я и... Энрико Ферри, сдѣлавшійся теперь горячимъ сторонникомъ участія социалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ. Говорятъ: времена мѣняются, и мы съ ними. Но Ферри поспѣшилъ измѣниться прежде, чѣмъ измѣнились „времена“...

III.

Правда, среди радикальныхъ элементовъ нѣмецкой социаль-демократической партіи нерѣдко находились люди, огорчавшіеся тѣмъ, что они называли умѣренностью Бебеля, и со вздохомъ сожалѣнія утверждавшіе, что «онъ уже не тотъ». Но мнимая умѣренность Бебеля огорчала ихъ единственно потому, что сами они оставались утопистами. И когда онъ выступалъ противъ такихъ людей—а онъ энергично выступалъ противъ нихъ всякій разъ, когда ихъ утопизмъ грозилъ толкнуть нѣмецкій пролетаріатъ на ложную дорогу,—его борьба съ ними была не чѣмъ инымъ, какъ борьбой научнаго социализма съ утопическимъ въ сферѣ практическаго дѣйствія. Вспомнимъ времена давно-прошедшія. Послѣ принятія германскимъ рейхстагомъ исключительнаго закона противъ социалистовъ (въ октябрѣ 1878 г.) Бебелю, вмѣстѣ съ другими вожаками нѣмецкой социаль-демократіи, пришлось выступить противъ Юганна Моста и его единомышленниковъ. Но чего хотѣли Мостъ и тѣ, которые одобряли его будто бы радикальную тактику? Они требовали отъ своей партіи перехода на тотъ путь мнимореволюціонной дѣятельности, который въ очень короткое время привелъ ихъ къ анархизму. Нужно ли говорить, что правы были не «мостіянцы», а Бебель, Либкнехтъ и другіе вожаки, знавшіе, что не всякій тотъ, кто кричитъ: «революція!», «революція!», является на самомъ дѣлѣ революционеромъ. Что представляло бы собой теперь германское рабочее движеніе, если бы большинство его тогдашнихъ участниковъ подчинилось вліянію Моста?

А вотъ другой примѣръ, относящійся ко времени, непосредственно слѣдовавшему за отмѣной указаннаго исключительнаго закона. Тогда возникло въ германской партіи теченіе такъ называемыхъ молодыхъ (Der Jungen). «Молодые» также мнили себя Богомъ знаетъ какими радикалами и также скорбѣли о томъ, что Бебель «уже не тотъ». Но что же собственно дали они германскому рабочему движенію? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе звонкихъ революціонныхъ фразъ и нѣсколькихъ совершенно несбыточныхъ, при тогдашнихъ условіяхъ, тактическихъ требованій. «Молодыхъ» раздражало, что освободительное движеніе пролетаріата шло въ Германіи не такъ скоро, какъ имъ этого хотѣлось, и они винили въ этомъ Бебеля, Либкнехта и другихъ испытанныхъ вожakovъ германской социаль-демократической партіи. Имъ казалось, что тѣ тормозятъ движеніе, противятся его ускоренію, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, вожаки противились не ускоренію движенія, отъ нихъ вовсе и не зависѣвшему, а только нѣкоторымъ нетерпѣливымъ движеніямъ молодыхъ ака-

демиковъ, не имѣвшихъ правильнаго понятія о данныхъ условіяхъ освободительной борьбы пролетаріата; да по своему утопическому настроенію вовсе и не расположенныхъ считаться съ этими условіями. Само собою понятно, что псевдо-революціонныя фразы «молодыхъ» не могли не вызвать осужденія со стороны Бебеля. Но пока «молодые» ограничивались критикой стараго образа дѣйствій, онъ съ своей стороны боролся съ ними оружіемъ критики. Къ сожалѣнію, они не удовольствовались одной идейной борьбой. Они стали дискредитировать партію въ лицѣ ея центральныхъ учреждений. Тогда дѣло приняло другой оборотъ. Нѣсколько молодыхъ людей, проявившихъ особенное усердіе по части такого дискредитированія, были исключены изъ партіи. Бебель тоже добивался ихъ исключенія. Онъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ рѣчь заходила о партійной дисциплинѣ.

Какъ смотрѣлъ онъ на обязанности социаль-демократа по отношенію къ своей партійной организаціи, можно видѣть еще изъ слѣдующаго. Извѣстно, что на іенскомъ партійномъ съѣздѣ 1905 г. Бебель выступилъ докладчикомъ по вопросу о массовой стачкѣ, какъ объ одномъ изъ орудій самозащиты пролетаріата въ борьбѣ съ реакціей. Съѣздъ принялъ по этому вопросу рѣшеніе, гласившее, между прочимъ, такъ:

«Партійный съѣздъ заявляетъ, что особенно въ случаѣ покушенія на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или на право коалицій, обязанность всего рабочаго класса—пользоваться всѣми средствами защиты.

Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы для отраженія подобныхъ политическихъ преступленій противъ рабочаго класса или для завоеванія важныхъ основныхъ правъ въ цѣляхъ его освобожденія, партійный съѣздъ признаетъ, въ подходящихъ случаяхъ, самое широкое примѣненіе массоваго прекращенія работы».

Это рѣшеніе истолковано было нѣкоторыми членами партіи въ смыслѣ непосредственнаго призыва къ массовой стачкѣ. Но Бебель понималъ его совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ. Рѣшеніе, которое онъ отстаивалъ въ своемъ докладѣ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ указывало на то, что для успѣшности массовой стачки «безусловно необходимо какъ можно большее распространеніе политической и профессиональной организаціи рабочаго класса и непрестанное воспитаніе и просвѣщеніе массъ рабочей литературой и устной и печатной агитаціей». Это значило, что въ глазахъ съѣзда и его докладчика массовая стачка требуетъ подготовки, и было ясно, что подготовка къ ней не можетъ явиться дѣломъ одного дня. Но разъ нашлись люди, въ своемъ революціонномъ нетерпѣннн плохоняшіе резолюцію съѣзда, Бебелю опять при-

шло «тормозить». Это было тѣмъ болѣе необходимо, что профессиональные союзы Германіи тоже склонны были понимать іенское рѣшеніе какъ непосредственный призывъ къ стачкѣ и, всецѣло занятые дѣломъ своей организаціи, были недовольны имъ. Чтобы выяснить истинный смыслъ іенской резолюціи, центральный комитетъ партіи вошелъ въ сношенія съ Общей комиссіей профессиональныхъ союзовъ. Его переговоры съ нею въ теченіе нѣкотораго времени оставались неопубликованными. Слухъ о переговорахъ проникъ въ печать и, по обыкновенію, вызвалъ много недоразумѣній и много упрековъ по адресу Бебеля. Стали говорить, что центральный комитетъ, членомъ котораго онъ состоялъ, велъ переговоры съ Общей комиссіей о томъ, чтобы отмѣнить рѣшеніе іенскаго съѣзда о массовой стачкѣ. Это подозрѣніе тѣмъ особенно обижало Бебеля, что оно приписывало ему нарушеніе партійной дисциплины. Выступивъ докладчикомъ по тому же самому вопросу на партійномъ съѣздѣ слѣдующаго 1906 года въ Мангеймѣ, онъ сказалъ, что если бы указанное обвиненіе было справедливо, то нельзя было бы достаточно рѣзко осудить центральный комитетъ вообще и его, Бебеля, въ частности. «Ибо, — говоритъ онъ, — въ такомъ случаѣ нашъ образъ дѣйствій и, въ частности, лично мой былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ измѣной партіи». Бебель отказывался представить себѣ, какимъ образомъ партійныя учрежденія, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ партійнаго съѣзда, который принялъ извѣстное рѣшеніе, опредѣлившее политику партіи, могли бы пуститься въ переговоры съ другими учреждениями для отмѣны этого рѣшенія. Еще хуже была бы роль того человѣка, — т.-е. самого Бебеля, — который защищалъ проектъ этого рѣшенія, добился его принятія, а потомъ вступилъ въ заговоръ противъ него. «Можно было ожидать, — воскликнулъ Бебель, — что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя партійныя газеты зададутъ себѣ вопросъ, позволительно ли заподозривать въ подобной измѣнѣ и низости человѣка, цѣлый вѣкъ боровшагося за партію». Подобное понятіе о партійной дисциплинѣ до сихъ поръ является однимъ изъ самыхъ существенныхъ условий могущества германской социаль-демократической партіи. Жаль только, что оно распространилось пока еще не во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе.

Коснувшись іенскаго съѣзда 1905 г., считаю не лишнимъ напомнить здѣсь довольно забавный эпизодъ, вызванный мнѣніемъ Бебеля о всеобщей стачкѣ. Одинъ изъ представителей праваго крыла партіи, довольно извѣстный Робертъ Шмидтъ, еще до съѣзда высказывался какъ противникъ массовой стачки. Въ своемъ докладѣ Бебель напомнилъ, что этотъ товарищъ 15 лѣтъ тому назадъ принадлежалъ къ «молодымъ», т. е., стало быть, выступалъ крайнимъ «революціонеромъ». Отмѣтивъ, какъ измѣнилось теперь

настроение Шмидта, Бебель прибавилъ, что, согласно Евангелію, на небѣ больше радуются одному покающемуся грѣшнику, чѣмъ девяносто девяти праведникамъ. На эту шутку Шмидтъ возразилъ тоже шуткой: онъ призналъ, что дѣйствительно принадлежалъ когда-то къ «молодымъ» и питалъ смѣлое намѣреніе «внушить товарищу Бебелю болѣе революціонное настроеніе». А въ настоящее время онъ, Робертъ Шмидтъ, болѣе чѣмъ удовлетворенъ тѣмъ успѣхомъ, который имѣли его тогдашнія усилія. Этотъ обмѣнъ шутокъ, возбуждавшій громкую веселость съѣзда, завершился серьезнымъ и очень характернымъ заявленіемъ Бебеля. Онъ сказалъ въ своемъ заключительномъ словѣ:

«Робертъ Шмидтъ, шутя, признался, что его радуетъ то благотворное вліяніе, которое онъ имѣлъ въ свое время на меня и на Зингера въ смыслѣ сообщенія намъ болѣе радикальныхъ взглядовъ. Это была недурная шутка, но—только шутка. Зингеръ и я не радикальнѣе теперь, чѣмъ были пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Этимъ я, во всякомъ случаѣ, отличаюсь отъ многихъ такихъ товарищей, которые, подобно Роберту Шмидту, нѣкогда были ультра-радикальными, а теперь принадлежатъ къ самымъ умѣреннымъ. Старый опытъ показываетъ, что ультра-радикалы чаще всего переживаютъ внезапныя превращенія». (Живое одобреніе со стороны съѣзда). «Если бы я хотѣлъ касаться личностей, я могъ бы указать такихъ, которые говорятъ теперь очень радикально, но за будущій радикализмъ которыхъ я не могу поручиться». (Смѣхъ).

Все это было какъ нельзя болѣе справедливо. На глазахъ Бебеля совершилось много удивительнѣйшихъ превращеній. Люди нѣкогда обвинявшіе его въ непопозволенной умѣренности, начинали обвинять его въ излишнемъ радикализмѣ, а онъ оставался все тѣмъ же Бебелемъ и прямо шелъ къ своей цѣли, руководясь твердо установленными и глубоко продуманными принципами. Къ тому, чѣмъ отличался онъ, по его словамъ, отъ людей, внезапно перелетавшихъ съ крайняго лѣваго крыла партіи на крайнее правое, онъ могъ бы еще прибавить, что они подчинялись измѣнчивымъ настроеніямъ, а онъ слѣдовалъ неизмѣннымъ принципамъ.

IV.

Я уже указалъ, въ чемъ состояла природа этихъ принциповъ. Они представляли собою лишь практическіе выводы изъ той основной теоремы материализма, что не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознание. Держась этой теоремы, можно было съ полной увѣренностью утверждать, что пролетаріатъ—какъ и всякій другой классъ—непремѣнно будетъ тяго-

вать къ такимъ политическимъ взглядамъ, которые соотвѣтствуютъ его положенію и его нуждамъ. А такъ какъ его положеніе и его нужды опредѣляются ходомъ экономическаго развитія общества, то его политическому представителю надо принять этотъ ходъ развитія за точку отправленія во всѣхъ своихъ программныхъ построеніяхъ и во всѣхъ своихъ тактическихъ соображеніяхъ. Но ходъ экономическаго развитія всякаго даннаго общества не зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ группъ лицъ. Слѣдовательно, отъ ихъ воли не зависитъ и тактика, которой они могутъ разумно держаться въ каждое данное время. Тотъ тактическій приемъ, который хорошъ при однихъ условіяхъ, становится дурнымъ при другихъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Благодаря перемѣнѣ обстоятельствъ, разумъ становится безуміемъ, благодѣяніе—мученіемъ. Такимъ образомъ высшимъ критеріемъ тактическихъ приемовъ становится ихъ цѣлесообразность. Бебель сдѣлался великимъ политикомъ именно благодаря тому, что умѣлъ найти наиболѣе цѣлесообразную для даннаго времени тактику. Я уже обращалъ вниманіе читателя на ту ловкость, съ которой онъ умѣлъ проходить между Сциллой утопическаго радикализма и Харибдой близорукаго оппортунизма. Онъ зналъ, что тактика зависитъ отъ условій времени и мѣста. Однако онъ считался съ условіями не только настоящаго, но также и будущаго времени. Въ этомъ заключалась вся тайна его великаго тактическаго превосходства, какъ надъ утопическими радикалами, такъ и надъ близорукими оппортунистами.

Въ своемъ заключительномъ словѣ къ докладу іенскому партійному съѣзду о массовой стачкѣ Бебель говоритъ:

«Для насъ, социаль-демократовъ, понятіе: «революціонный» опредѣляется не средствами, а цѣлями». Но никогда еще ни одно движеніе во всемирной исторіи не отличалось такимъ яснымъ сознаніемъ своей цѣли, какое свойственно современному движенію пролетаріата. Участники этого движенія своей сознательностью далеко превосходятъ участниковъ тѣхъ движеній, которыя совершались въ прежнія историческія эпохи». Тутъ же Бебель разсказалъ, какъ удивляли его нѣкогда своей политической незрѣлостью буржуазные представители революціоннаго движенія 1848—1849 г. Люди, постоянно толковавшіе о революціи и тиранубійствѣ, крайне плохо разбирались въ политическихъ вопросахъ. Бебель былъ внѣ себя отъ удивленія, убѣждаясь въ томъ, что «старики, боровшіеся во время революціи, просидѣвшіе въ каторжной тюрьмѣ четыре-пять лѣтъ и болѣе, оставались въ полномъ невѣдѣніи и въ полной неясности насчетъ того, что касалось государства и правительства». Слѣдуетъ думать, что подобныя впечатлѣнія сильно

укрѣпляли недовѣріе Бебеля къ революціонной фразѣ. «Въ массѣ сознательныхъ рабочихъ дѣло обстоить иначе», съ гордостью прибавлялъ вожакъ нѣмецкаго пролетаріата.

Онъ имѣлъ право прибавить это. Сознательные нѣмецкіе рабочіе дѣйствительно хорошо понимаютъ конечную цѣль своей борьбы, равно какъ и средства къ ея достиженію. Но самое это обстоятельство представляетъ собою новый, никогда не бывалый фактъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ совершаются революціи во всемірной исторіи, никогда еще не было такого народнаго движенія,—говоритъ Бебель,—великая масса участниковъ котораго была бы такъ просвѣщена, такъ освѣдомлена, такъ хорошо знала бы сущность государства и общества и законы, ими управляющіе, какъ это знаютъ участники современнаго соціалистическаго движенія. Это единственное въ мірѣ явленіе». Освободительное движеніе рабочаго класса было бы самымъ революціоннымъ изо всѣхъ происходившихъ въ исторіи движеній даже и въ томъ случаѣ, если бы оно протекало самымъ мирнымъ образомъ. Оно все-таки привело бы къ такому коренному переустройству общества, какого еще не знала исторія.

Послѣдователей научнаго соціализма, учениковъ Маркса и Энгельса, часто обвиняли въ томъ, что они проповѣдывали фатализмъ. Но вѣдь Бебель былъ одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и самыхъ послѣдовательныхъ марксистовъ, а между тѣмъ въ его взглядахъ нельзя найти ни одного атома фатализма. Тотъ совсѣмъ не похожъ на фаталиста, кто больше всего цѣнитъ въ современномъ рабочемъ движеніи сознательность его участниковъ. Сознательность личности—высшій признакъ ея развитія. А фаталистъ не заботится о развитіи личности.

Не сознание опредѣляетъ собой бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознание. Это такъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что сознанию нѣтъ мѣста въ историческомъ движеніи человечества. Будучи опредѣлено бытіемъ, сознание, съ своей стороны, вліяетъ на дальнѣйшее развитіе бытія. И когда рѣчь заходитъ о такомъ переворотѣ въ общественномъ бытіи, которое на языкѣ науки называется устраненіемъ капиталистическихъ отношеній производства, тогда становится какъ нельзя болѣе яснымъ, что онъ предполагаетъ чрезвычайно высокую степень сознательности производителей. Бебель превосходно понималъ это. Оттого и радовала его сознательность германскаго пролетаріата.

Но если это такъ, то передъ нами является новая черта его тактики. Хорошо было въ его глазахъ все то, что было цѣлесообразно, а цѣлесообразно было все то, что содѣйствовало развитію самосознанія рабочаго класса. Поэтому, обсуждая цѣлесообразность даннаго тактическаго приѣма, Бебель раньше всего спрашивалъ себя,

какъ повліяетъ онъ на указанное самосознаніе: если онъ ускоритъ его развитіе, то онъ хорошъ; если онъ замедлитъ его, то онъ дурень. Фейербахъ говорилъ когда-то: «что такое теорія? что такое практика? Теорія—то, что остается только въ моей головѣ; практика—то, что изъ моей головы переходитъ въ головы ближнихъ». Самымъ практичнымъ дѣломъ нашего времени является именно содѣйствіе переходу освободительныхъ идей изъ «моей» головы въ головы тѣхъ «моихъ» ближнихъ, которые по самымъ условіямъ своего бытія не могутъ не приняться за ихъ проведеніе въ общественную жизнь.

Это наиболѣе практичное дѣло есть въ то же время и величайшая политическая мудрость. Бебель неизмѣнно слѣдовалъ ея указаніямъ. Для него даже вѣрный политическій принципъ, т. е. такой принципъ, который служилъ вѣрнымъ теоретическимъ выраженіемъ существующей въ дѣйствительности тенденціи общественнаго развитія,—даже онъ въ его глазахъ пріобрѣталъ наибольшую цѣнность тогда, когда начиналъ проникать въ сознание рабочей массы. Въ виду этого становится понятнымъ, что людямъ, не сумѣвшимъ отдѣлаться отъ утопическаго образа мыслей, Бебель не могъ не казаться подчасъ очень умѣреннымъ. Взять хоть вопросъ о массовой стачкѣ. У Бебеля были зоркіе глаза. Онъ ясно видѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы своей жизни, что въ Германіи близится такое время, когда массовая стачка можетъ оказаться совершенно неизбежной для пролетаріата. И то, что видѣлъ, онъ высказалъ въ своемъ докладѣ іенскому партійному съѣзду. Но разговоры о массовой стачкѣ вызвали тревогу въ профессиональныхъ союзахъ, какъ сказано выше, поглощенныхъ тогда вопросами своей организаци. И вотъ, въ слѣдующемъ году, въ своемъ докладѣ партійному съѣзду въ Мангеймѣ, Бебель старается успокоить эти союзы. Онъ поясняетъ, что резолюція, принятая въ Іенѣ, отнюдь не хочетъ побудить рабочихъ къ немедленному массовому прекращенію работы, а, напротивъ, рекомендуетъ имъ предварительную работу организаци своихъ силъ. Тѣ маленькіе утописты, мнившіе себя большими радикалами, которые поняли іенскую резолюцію именно какъ непосредственное приглашеніе рабочей массы къ стачкѣ, были очень недовольны и очень смущены тѣмъ, что, во время своего мангеймскаго доклада, Бебель обращался—какъ сказалъ одинъ изъ нихъ—«главнымъ образомъ направо». Мнѣ случилось быть на этомъ съѣздѣ, и я тогда же сказалъ порицателямъ Бебеля: «Вы были бы правы, если бы могли указать средство сдѣлать массовую стачку безъ участія въ ней организованной въ профессиональные союзы рабочей массы». Такого средства мнѣ не указали, да, разумѣется, и не въ состояніи были указать. Я уѣхалъ изъ Мангейма въ томъ твердомъ убѣжденіи, что настоящій радикализмъ тогда, какъ и

прежде, былъ представленъ именно Бебелемъ и его ближайшими единомышленниками. Пока рабочая масса еще не освоилась съ даннымъ, хотя бы и превосходнымъ, тактическимъ приемомъ, истинный радикализмъ заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы навязывать ей этотъ приемъ, а въ томъ, чтобы, ни мало не скрывая отъ нея своего взгляда на него, подготовить ее къ его усвоенію.

V.

Сознательный пролетаріатъ непремѣнно долженъ организовать свои силы. Онъ организуетъ ихъ въ двухъ областяхъ: въ области непосредственной экономической борьбы съ предпринимателями (профессиональные союзы) и въ области борьбы политической (рабочая партія). Вопросъ объ отношеніи профессиональных союзовъ рабочихъ къ рабочей партіи издавна игралъ и до сихъ поръ продолжаетъ играть не малую роль въ социаль-демократической литературѣ. Приходилось высказываться о немъ и Бебелю. Уже въ 1872 г., въ ожиданіи предстоявшаго тогда съѣзда профессиональных союзовъ въ Эрфуртѣ, онъ помѣстилъ въ № 46 социаль-демократической газеты «Volksstaat» статью—до сихъ поръ заслуживающую вниманія въ особенности русскихъ читателей. Бебель писалъ въ ней:

«Нельзя отрицать, что организованное профессиональное движеніе въ Германіи порядочно отстало. Этому не мало способствуетъ раздѣленіе рабочаго класса на различныя фракціи и ожесточенная взаимная борьба. Худо уже то, что рабочіе выступаютъ другъ противъ друга въ различныхъ социаль-политическихъ организаціяхъ, но еще хуже, если—что неизбѣжно бываетъ въ такихъ случаяхъ—рабочіе одной и той же отрасли, даже одной и той же фабрики или мастерской, раздѣлены на два или три лагеря и враждуютъ другъ съ другомъ». Бебель проповѣдывалъ единство профессиональных союзовъ. Онъ тѣмъ болѣе настаивалъ на ихъ единствѣ, чѣмъ больше значенія придавалъ онъ профессиональнымъ организаціямъ рабочихъ. Онъ говорилъ: «въ профессиональныхъ союзахъ заключается будущее рабочаго движенія. Въ этихъ союзахъ массы доходятъ до классоваго самосознанія, учатся вести борьбу съ капиталомъ; такіе союзы естественнымъ путемъ, безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, превращаютъ рабочихъ въ социалистовъ».

Это очень много. Но это еще не все. Научившись дорожить единствомъ въ своихъ профессиональныхъ союзахъ, рабочіе станутъ стремиться къ нему и въ своей политической организаціи. (Не забудьте, что эту свою статью Бебель писалъ въ то время, когда въ

германской социаль-демократіи происходила ожесточенная борьба лассальянцевъ съ эйзенахцами). «Въ профессиональныхъ союзахъ заключается средство устранить существующій нынѣ расколъ среди рабочихъ—говорилъ Бебель.—Когда, наконецъ, рабочіе убѣдятся въ необходимости профессиональныхъ организацій, они вскорѣ увидятъ, что политическому науськиванію уже не будетъ мѣста; потребность въ объединеніи и соглашеніи вскорѣ возрастетъ и безъ труда побѣдитъ сопротивление тѣхъ элементовъ, которые лично заинтересованы въ этомъ науськиваніи»¹⁾. Послѣ объединенія германской социаль-демократіи Бебель не переставалъ отгнѣять необходимость единства профессиональныхъ организацій. Въ маѣ 1900 г. онъ прочиталъ въ берлинскомъ Домѣ профессиональныхъ союзовъ докладъ, изъ котораго я заимствую здѣсь слѣдующія мѣста.

Бебель говорилъ своимъ слушателямъ—рабочимъ: «на фабрикахъ или вообще въ промышленномъ предпріятіи работаютъ рабочіе съ различными религіозными и политическими убѣжденіями, а часто и различныхъ національностей; поэтому профессиональный союзъ долженъ принимать въ свои члены рабочихъ безъ различія ихъ религіозныхъ и политическихъ взглядовъ, а равно и ихъ національнаго происхожденія. Сліяніе всѣхъ безъ исключенія сотоварищей по профессіи въ одну организацію должно быть первой заповѣдью его политики; нарушая этотъ принципъ, онъ не можетъ выполнить своихъ задачъ или можетъ ихъ выполнить только въ недостаточной мѣрѣ».

Изъ этого слѣдуетъ, что профессиональные союзы не должны находиться въ организаціонной связи съ какимъ-нибудь религіознымъ обществомъ или съ политической партіей. Дверь профессиональнаго союза должна быть открыта для рабочаго совершенно независимо отъ того, къ какой партіи онъ принадлежитъ.

«Профессиональный союзъ не имѣетъ никакого права спрашивать его объ его политическихъ убѣжденіяхъ или предписывать ему, къ какой партіи онъ долженъ принадлежать внѣ профессиональнаго союза. Если профессиональные союзы сумѣютъ обезпе-

¹⁾ Я совсѣмъ не расположенъ къ полемикѣ въ этой статьѣ, посвященной памяти Бебеля; но я считаю позволительнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе pro domo sua. Весной 1905 г. я, въ виду нашихъ тогдашнихъ расколовъ, писалъ, что только дальнѣйшій ходъ рабочаго движенія положить имъ конецъ, и что наше будущее—въ (начинавшихъ тогда возникать) открытыхъ рабочихъ союзахъ. Изъ этого одиравъ глубокомысленный публицистъ сдѣлалъ тотъ выводъ, что я возставалъ тогда противъ партій. Но развѣ возставалъ когда-нибудь противъ партій Бебель, утверждавшій, какъ мы сейчасъ видѣли, что будущее рабочаго движенія—въ профессиональныхъ союзахъ? Что подѣлаешь! Не всѣ публицисты одинаково догадливы.

читать эту необходимую степень взаимной терпимости, то будущее сулитъ имъ процвѣтаніе и успѣхи».

Такъ думалъ Бебель. Его упрекали въ томъ, что онъ рекомендуетъ нейтральность профессиональныхъ союзовъ. Но нейтральность нейтральности рознь. Та нейтральность, которую отстаивалъ Бебель, вовсе не исключала классовой борьбы пролетаріата. Напротивъ, Бебель прямо говорилъ: «Я утверждаю, что партійная политика и религіозные вопросы должны быть чужды профессиональнымъ союзамъ; но я утверждаю также, что они тѣмъ шире и тѣмъ энергичнѣе должны проводить рабочую политику—политику классовой борьбы».

Это требуетъ поясненія. Постараюсь сдѣлать его словами самого Бебеля. Профессиональная организація ставитъ государству цѣлый рядъ требованій, которыхъ она не можетъ добиться своими собственными силами: требованіе свободы союзовъ, собраній и стачекъ; страхованіе рабочихъ на случай старости, болѣзни, несчастныхъ случаевъ, неспособности къ труду; охрана производителей въ процессѣ производства и т. д. «Словомъ, всѣ тѣ социальныя и экономическія условія, которыми затрагиваются интересы значительнаго числа или всѣхъ рабочихъ, подлежатъ обсужденію профессиональнаго союза какъ рабочей организаціи, въ прессѣ и на собраніяхъ. Надо согласиться, что это—широкая область политической дѣятельности, а что всѣ упомянутые вопросы будутъ обсуждаться только съ классовой точки зрѣнія рабочаго,—тому порука заключается въ самомъ профессиональномъ союзѣ. Профессиональные союзы, и особенно профессиональная печать, должны посвящать этимъ вопросамъ тѣмъ большее вниманіе, что, оставаясь на почвѣ самопомощи, нѣтъ никакой возможности внести въ эту область какія-либо измѣненія и улучшенія. Поэтому политическая дѣятельность въ предѣлахъ намѣченныхъ здѣсь задачъ есть обязанность профессиональныхъ союзовъ».

Такое отношеніе Бебеля къ профессиональнымъ союзамъ тоже огорчало нѣкоторыхъ его близкихъ товарищей, и они даже печатно спорили съ нимъ по этому поводу. Но Бебель и тутъ оставался вѣренъ себѣ.

Выше я сказалъ, что онъ всегда держался правила не навязывать рабочей массѣ тѣ или другіе желательные для него тактическіе приемы, а готовить ее къ ихъ усвоенію. Взглядъ Бебеля на отношеніе профессиональныхъ союзовъ къ партіи явился лишь обобщеніемъ этого золотого правила: профессиональный союзъ не навязываетъ социализма рабочимъ, а такъ ведетъ свое дѣло, что социалистами дѣлаются даже такіе рабочіе, которые вошли въ него, будучи пропитаны буржуазными предразсудками. Субъективная логика рабочаго не можетъ не подчи-

ниться объективной логикѣ его положенія. Не сознание опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознание. Если Бебель никогда не забывалъ объ этомъ въ своихъ стараніяхъ повліять на рабочую массу, то это происходило, можетъ быть, и оттого, что онъ слишкомъ хорошо помнилъ исторію своего собственнаго умственнаго развитія: вѣдь онъ самъ примкнулъ къ рабочему движенію, оставаясь врагомъ социализма, и его собственная субъективная логика должна была уступить объективной логикѣ борьбы наемнаго труда съ капиталомъ.

Въ своемъ докладѣ іенскому партійному съѣзду о массовой стачкѣ онъ еще разъ коснулся своего пониманія нейтральности профессиональныхъ союзовъ. Онъ заявилъ тамъ, что проповѣдуетъ не то, что союзы должны быть нейтральными по отношенію къ политическимъ вопросамъ, а то, что они не должны смотрѣть на себя, какъ на придатокъ къ какой-нибудь политической партіи, такъ какъ имъ слѣдуетъ принимать въ свою среду всѣхъ рабочихъ независимо отъ ихъ политическаго образа мыслей. При этомъ онъ прибавилъ, что берется такъ редактировать въ теченіе цѣлаго года печатный органъ того или другого профессиональнаго союза, чтобы, ни разу не произнеся слова: «соціалъ-демократія», обратить своихъ читателей въ соціалъ-демократовъ. [Эти слова очень характерны для агитаціонныхъ приемовъ Бебеля.

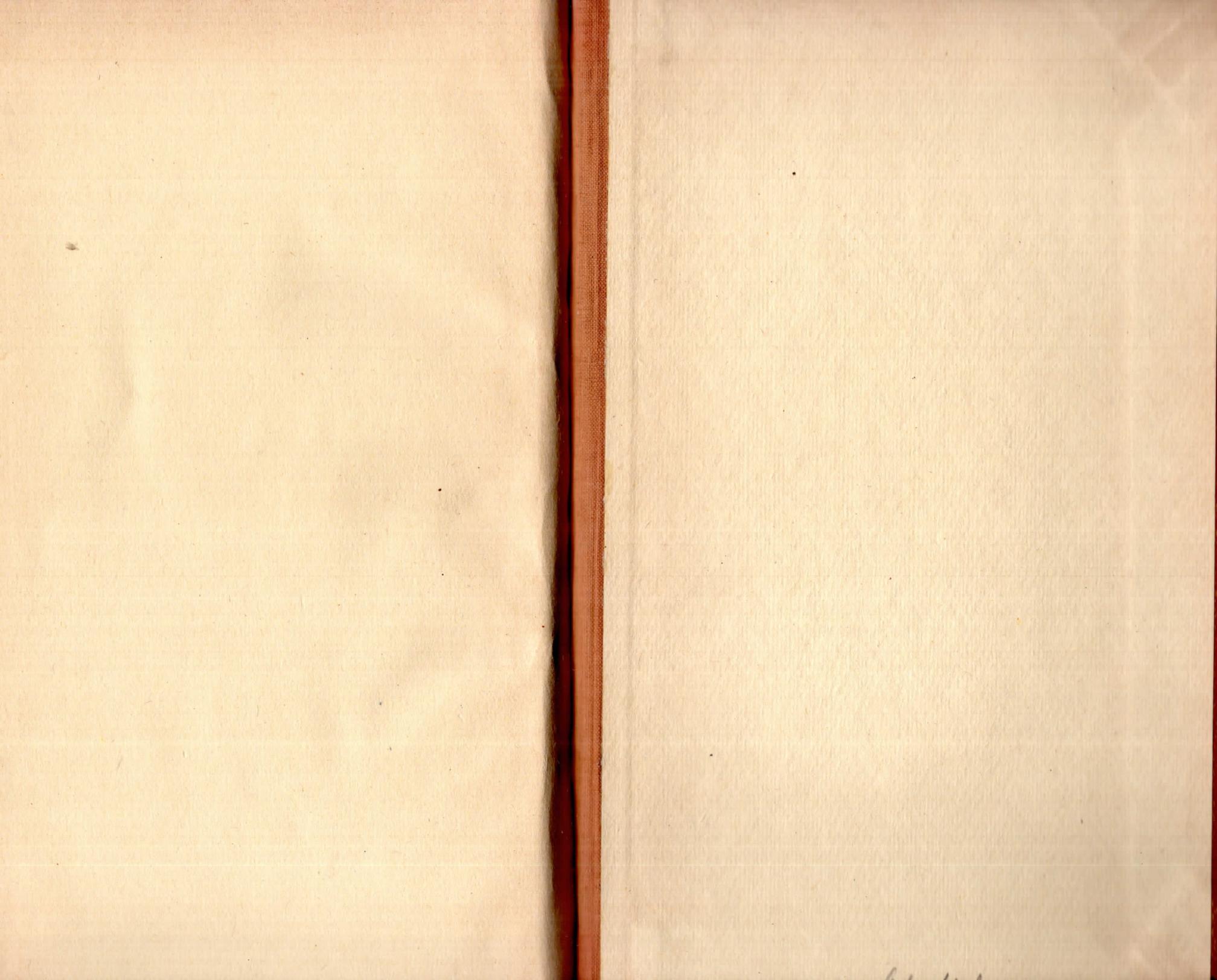
Не мѣшаетъ замѣтить, что взглядъ Бебеля на отношеніе профессиональныхъ союзовъ къ партіи былъ также и взглядомъ Маркса. Въ своемъ разговорѣ съ группой рабочихъ, принадлежавшихъ ко Всеобщему нѣмецкому союзу металлистовъ, Марксъ сказалъ: «Профессиональные союзы никогда не должны быть связаны съ какимъ-нибудь политическимъ союзомъ или находиться въ зависимости отъ нихъ, если хотятъ выполнить свою задачу. Поставить ихъ въ такую зависимость, значитъ, нанести имъ смертельный ударъ», и т. д. ¹⁾.

Пора кончать, хотя я далеко еще не исчерпалъ всего того, что можно и что слѣдовало бы сказать о Бебелѣ. Я излагалъ его взгляды, не распространяясь объ его личности. Чернышевскій написалъ когда-то, приступая къ характеристикѣ Бѣлинскаго, что

¹⁾ Разговоръ этотъ Марксъ велъ съ рабочими, находясь проездомъ въ Ганноверѣ. Одинъ изъ его собесѣдниковъ воспроизвелъ этотъ разговоръ въ газетѣ „Volksstaat“ 1869 г. Рукописный отчетъ о немъ былъ, повидимому, прежде напечатанія показанъ Марксу, обѣщавшему, въ случаѣ надобности, подтвердить его правильность (См. объ этомъ въ книгѣ Августа Бригмана: „Geschichte der deutschen Zimmerer-Bewegung“, Stuttgart 1903, t. I, s. 364—365). Разговоръ Маркса съ металлистами перенесенъ въ книгѣ г. Тотоміанца „Формы рабочаго движенія“.

есть такая степень уваженія къ человѣку, когда уже не хочется хвалить его именно потому, что никакія похвалы не выразятъ всей полноты нашего чувства. То же самое испыталъ я, сядя за статью о Бебелѣ. Мое уваженіе къ этому замѣчательному человѣку такъ велико, что я не могу хвалить его. Скажу только одно: по мнѣнію Бебеля, нынѣшняя сознательность рабочей массы въ передовыхъ странахъ культурнаго міра представляетъ собой нѣчто небывалое въ исторіи. Къ этому можно прибавить, что еще никогда, ни въ одну историческую эпоху, трудящаяся масса не выдвигала изъ своей среды такихъ замѣчательныхъ борцовъ, какимъ былъ Августъ Бебель. Тотъ фактъ, что германскій пролетаріатъ оказался въ состояніи поставить на защиту своихъ интересовъ такого борца, служитъ однимъ изъ самыхъ яркихъ свидѣтельствъ его политической зрѣлости. Недаромъ рабочіе всѣхъ другихъ странъ видятъ въ этомъ пролетаріатѣ своего гегемона.

Г. Плехановъ.

П9248₂